

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
Дальневосточное отделение

Институт истории, археологии и этнографии
народов Дальнего Востока

ИСТОРИЯ И КУЛЬТУРА КОРЯКОВ

Под общей редакцией
академика А. И. Крушанова

Санкт-Петербург
«Наука»
1993

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ

В моменту восстановления Советской власти на Камчатке экономическое положение ее жителей сильно ухудшилось. Местное хозяйство стало приходить в расстройство в связи с прекращением регулярных товарных связей с центральными районами сразу после начала первой мировой войны. С 1917 г. завоз товаров, продовольствия, промышленного снаряжения еще более сократился. Огромный ущерб экономике нанесла гражданская война. Бесконечные реквизиции вконец разорили оленеводческое хозяйство тайгоносских коряков, большой урон понесло оленеводство в Тигильском районе. Сократилась добыча рыбы, повсеместно эпизодически вспыхивали голодовки.

Советское правительство неоднократно пыталось помочь населению Камчатки. Совет народных комиссаров (СНК) РСФСР еще в 1921 г. выделил для организации товарной экспедиции на полуостров 500 тыс. руб. золотом, однако политическая обстановка так и не позволила осуществить запланированную экспедицию.¹ Реальная помощь народам Камчатки пришла лишь два года спустя. Летом 1923 г. в Гижигу, Наяхан и другие северные села были доставлены продукты и товары на 483 тыс. руб. Одновременно был заключен договор о снабжении Камчатской губернии всем необходимым с английской компанией «Гудсон Бей», имевшей на полуострове свои фактории. Отсутствие необходимых товаров, трудности с их доставкой заставляли пользоваться услугами иностранных предпринимателей, но уже в 1942 г. монопольное право на снабжение населения перешло к советской торговой организации — Охотско-Камчатскому акционерному рыбопромышленному обществу (ОКАРО). В короткий срок оно завезло в северные районы Дальнего Востока товаров на 2767 тыс. руб.²

В 1925 г. ОКАРО сменил на Камчатке Дальгосторг. Наибольшее распространение государственная торговля получила на Восточном побережье, на Западном — торгово-заготовительные операции сосредоточились в руках кооперации. В 1926 г. в районах расселения коряков работало 4 государственных и 6 кооперативных торговых пунктов. Этого явно не хватало, поэтому там, где не было государственной и кооперативной торговли, разрешалась частная.

На случай стихийных бедствий, неудачного промысла в центрах экономического тяготения коряков создавались хлебозапасные магазины. Они

имелись в Караге, Каменском, Пенжино, Гижиге и кроме снабжения продовольствием и товарами первой необходимости проводили также кредитные операции.

Важную роль в организации планомерного снабжения народов Камчатки всем необходимым сыграли ярмарки. Возникшие по инициативе камчатского губернатора В. С. Завойко в середине XIX в., они быстро вошли в традицию, стали местом торговли, натурального обмена и общения различных групп коренного населения. В 1924 г. решено было возобновить деятельность шести ярмарок. Особой популярностью пользовались Чукотская (в 150 км от села Пенжино на р. Палпал) и Апукская. Апукская была наиболее крупной ярмаркой, здесь собиралось в отдельные годы до 400 человек, в том числе 150—200 кочевников. Участие в ярмарках было обязательным всех торгово-заготовительных организаций и частных. В 1926 г. на Апукской ярмарке было закуплено пушнины на 8900 руб., совершено много других торговых и обменных сделок. Обычно здесь продавали свою продукцию паренские кузнецы.³

Установление государственной и кооперативной торговли нанесло сильный удар по деятельности частных торговцев. Вместе с другими мерами (освобождение народов Севера от прямых общегосударственных и местных налогов, установление твердых цен на пушнину и продукцию оленеводства, целевое кредитование отраслей северного хозяйства и др.) оно обеспечивало надежную защиту коренного населения от торговой эксплуатации, способствовало подъему производительных сил народов Камчатки.

В восстановлении промыслово-оленьеводческого хозяйства коряков особенно большую роль сыграла кооперация, которая возникла на Камчатке в 1917 г. Восстановление Советской власти активизировало кооперативное движение. В июне 1923 г. возобновил свою работу Хайрюзовский кооператив. Вскоре среди его пайщиков было 5 кочевых коряков. В 1924—1925 гг. потребительские кооперативы или их отделения появились также в Тигиле, Палане, Лесной, Дранке, Пенжино, Гижиге. Коряки являлись в них не только пайщиками, но и работали в административно-управленческом аппарате.

Параллельно с потребительской разворачивалась работа промысловой кооперации в виде различных артелей. В 1924—1925 гг. они возникли в Тигиле, Палане, Уке, Караге, Ивашке, Кичиге, некоторых других селах. В 1926 г. в их составе работало более 450 человек. Для координации деятельности кооперативов всех типов в марте 1926 г. был создан Камчатский районный союз.⁴

Во второй половине 20-х гг. в районах Севера произошла реорганизация кооперативной системы. Вместо потребительской и промысловой была создана единая интегральная кооперация. Она выполняла не только снабженческие, торгово-заготовительные и кредитные функции, но и производственные. Перевод камчатских кооперативов на интегральный устав начался в 1928 г. В ходе реорганизации были созданы Камчатский областной, а также Корякский окружной районные интегралсоюзы.⁵

Интегральная кооперация быстро завоевала популярность у народов Севера. Кооперативы или их отделения появляются в большинстве корякских сел. В 1929 г. они открылись в Тигиле, Палане, Караге, Гижиге, Каменском, в 1930 г. — в Лесной, Ивашке, Микино, Тиличихах, Пахаче,

в 1931 г. — в Воямполке, Кахтане, Рекинниках, Хайлюлино, в 1932 г. — в Ветвее. Всего в 1929—1933 гг. в корякских селах было открыто 20 отделений интегралсоюза. Паевой капитал интегральной кооперации округа составлял в 1932 г. 69 825 руб., товарный оборот — 1349 тыс. руб. В кооперативах состояло 3598 человек, половина из них — коряки и другие народы Севера.⁶

Создание интегральной кооперации открывало благоприятные возможности для производственного кооперирования, которое встретило у коряков, особенно у оседлых, полное понимание. Кооперативные артели на полученные кредиты обзаводились лодками, более производительными орудиями лова. Появлялась возможность не только в достатке обеспечить себя юколой, но и продать часть улова, получив за него продукты, необходимые товары и снаряжение. Преимущества кооперативного труда были, таким образом, очевидны, и это способствовало быстрому росту числа промысловых артелей. На 1 января 1932 г. в Корякском национальном округе имелось 37 коллективных объединений. В них состояло 877 хозяйств коряков. Из 37 артелей 31 была создана у береговых жителей.⁷ Производственное кооперирование кочевых коряков шло медленнее.

Первичные производственные кооперативы, выросшие из недр старых производственных объединений коряков (байдарных артелей, бытовых объединений по совместному выпасу оленей и др.), были во многом похожи на них. Коллективный труд в них распространился лишь на одну отрасль хозяйства. Завершив хозяйственную кампанию, деятельность кооператива прекращалась до будущего года. Распределение полученной продукции также производилось на основе привычного, уравнительного, принципа. Но были и существенные отличия: отсутствие эксплуатации на почве владения средствами производства, более тесные экономические связи между традиционным хозяйством и государственной промышленностью, широкие возможности саморазвития коллективного объединения, перехода от низших к более высоким формам.

Сегодня, конечно, трудно судить, к каким именно формам цивилизованной кооперации могла привести артели их естественная эволюция на основе общего производственного подъема. Совершенно очевидно одно: к началу 30-х гг. они далеко не исчерпали свои потенциальные возможности. К сожалению, развернувшаяся в стране в конце 20-х гг. сплошная коллективизация определила судьбу не только сельскохозяйственной кооперации земледельческих районов, но и доколхозных форм промысловой кооперации народов Севера.

С 1930 г. в Корякском национальном округе начинается интенсивный перевод первичного производственного кооперирования в русло колхозного строительства. Как и в целом по стране, процесс этот сопровождался массой ошибок и перегибов. Чрезмерными были темпы создания колхозов. Тигильский райисполком, например, уже в апреле 1930 г. объявил свой район «ударным в переходе на сплошную коллективизацию». Ставилась задача добиться стопроцентного вовлечения в колхозы к 1 июля 1930 г.⁸ Не менее форсированно создавались колхозы в других районах.

В 1932 г. темпы коллективизации еще больше усилились. Только в первом квартале было создано 10 новых колхозов. В колхозное строительство стали втягивать кочевых коряков. К апрелю 1932 г. в Тигильском районе было уже 7 оленеводческих артелей. Два оленеводческих колхоза имелись

в Карагинском районе (по рекам Кичиге и Тымлату), по одному — в Олюторском (Култушинская артель) и Пенжинском (у тайгоносских коряков).⁹

К 1 января 1933 г. сеть коллективных хозяйств в округе состояла из 51 колхоза и двух коммун. В них насчитывалось 1109 хозяйств, или 55%. Из 2617 колхозников более тысячи человек составляли коряки, 460 — ительмены, 279 — русские, более 200 — эвены и чукчи. У коряков появились села, где коллективизация была практически завершена (это Воямполка, Кинкиль). Все колхозы к этому времени были переведены на артельный устав. В них обобществленные средства производства и различное имущество исчислялись суммой в 113 тыс. руб.¹⁰

Создание колхозов в 1932—1933 гг. проходило в сложной политической обстановке. 1 окружной съезд Советов обязал окрисполком «твердо и неуклонно подготавливать базу для ликвидации кулачества как класса на базе сплошной коллективизации». ¹¹ Выполнение этого решения не могло не привести к обострению отношений с крупными оленеводами, которые все еще пользовались большим влиянием на массы. Коллективизация в глубинных районах тундры встречала с их стороны сильное сопротивление; они убивали оленей («все равно русским достанутся»), усилили антиколхозную агитацию, имела место «раздача» оленей бедноте, перекочевки в труднодоступные районы.

Острые столкновения происходили при закупке оленей для создававшихся оленеводческих совхозов. В этом деле на местах были допущены серьезные перегибы: твердые задания устанавливались без учета возможностей хозяйства, под налоговый пресс попадали середняки и даже малооленные. Хозяйственные организации не вовремя рассчитывались за купленных оленей. Имелись случаи принудительного изъятия.

На почве ошибок и перегибов в округе к середине 1932 г. создалось весьма тревожное положение. Массовое недовольство и открытые протесты имели место не только в тундре, но и у оседлого населения. Антисоветские выступления крестьянства в зерновых районах страны в 1930—1931 гг. ¹² перекинулись в 1932 г. на многие районы Севера. ¹³ ЦК ВКП(б) вынужден был решительно осудить существующую практику колхозного строительства, потребовал прекратить сплошную коллективизацию, допуская лишь ее первичные формы. Категорически запрещалось создание коммун. Организация артелей разрешалась, если для этого были соответствующие условия. В противном случае они должны были переводиться на устав простейших производственных объединений. Более реалистически определялась политика в отношении различных социальных групп у народов Севера. ¹⁴

Подлинные причины перегибов в колхозном строительстве у народов Севера невозможно понять в отрыве от общей обстановки в стране. Известно, что борьба вокруг преобразования сельского хозяйства, которая велась в высших эшелонах власти в конце 20-х гг., завершилась победой И. В. Сталина и его сторонников. Истинный смысл их плана сводился в тот момент к решению узкой практической задачи: ликвидировать трудности с хлебозаготовками, в кратчайший срок и с наименьшими затратами обеспечить поступление товарного зерна. Колхозы позволяли весьма эффективно и безболезненно изымать у крестьян хлеб. Отсюда и та спешка, с которой насаждались они в зерновых районах.

Для подобной спешки на Севере таких оснований не было. Главное его богатство — пушнина — исправно поступало государству и без колхозов. Что же касается рыбы, продукции оленеводства, то они по большей части были тогда недоступны в силу специфичности северных условий, слабости материально-технической базы государства. Оно не могло обеспечить производительную работу даже первичных кооперативных объединений. Промысловые артели вечно простаивали из-за отсутствия соли, тары. С Камчатки годами не вывозилась заготовленная кооперативами рыба.

В таких условиях, казалось бы, необходим взвешенный подход к решению задач, которые в тот момент были не под силу государству. И многие партийные документы ориентировали хозяйственное строительство на Севере именно на такие подходы.¹⁵

Но в том-то и дело, что политически верные оценки партийных съездов и пленумов оставались лишь красивыми словами.

Сталинская политика «подхлестывания страны», естественно, не могла оставить в стороне и северные районы. В конце 1929 г. Госплан РСФСР в спешном порядке разрабатывает директивы по составлению перспективного плана социалистической реконструкции и развития народного хозяйства Крайнего Севера на оставшийся отрезок пятилетки. Центральным ведомствам и организациям предписывается, не дожидаясь получения материалов с мест, немедленно приступить к составлению планов и представить их в Госплан РСФСР не позднее 31 марта 1930 г.¹⁶

«Громадые планы» буквально захлестнуло организации и ведомства, причастные к хозяйственному строительству на Севере. Об их характере можно судить хотя бы по таким наметкам: довести на Чукотке поголовье оленей до 2 млн. голов; создать в бухте Корф угольные копи на 100 тыс. т; проложить шоссейные дороги Петропавловск—Большерецк—Хайрюзово—Палана—Каменское—Парень и Каменское—Тилички; переселить на Север 5 млн. человек и т. п.¹⁷ И все это за каких-то несколько лет! Трудно сказать, чего было больше в этих планах — политического авантюризма или полнейшего незнания Севера и его экономики.

Бурному развитию промышленности должно было соответствовать и промыслово-олeneводческое хозяйство народов Севера. Для этого, считал Госплан РСФСР, необходимо перевести его на рельсы социалистического хозяйства путем «организации крупных коллективных хозяйств, коммун, а также совхозов».¹⁸ Другими словами, реконструкция техническая должна была сопровождаться реконструкцией социальной, т. е. коллективизацией.

Всецело поддержал эту идею и VII Пленум Комитета Севера при ВЦИК в апреле 1930 г. Правда, Пленум оговорился, что «поспешно и неумело проведенная сплошная коллективизация с ликвидацией кулачества, как класса, может в корне разорить туземное хозяйство, разрушив оленеводство и обратив всех туземцев в иждивенцев государства».¹⁹ Но что могла значить эта оговорка, если вслед за решением Пленума Комитета Севера на места поступило постановление СНК РСФСР, в котором без всяких оговорок предлагалось «разработать мероприятия по ликвидации крупных феодальных оленеводческих хозяйств».²⁰

Опасения Комитета Севера полностью оправдались: традиционное оленеводческое хозяйство коряков действительно оказалось разрушенным. Чрезвычайные меры борьбы с крупными оленеводами сильно изменили его лицо.

Так, например, в Пенжинском районе средняя обеспеченность оленями в 1931—1934 гг. сократилась в бедняцких хозяйствах с 54 до 47 оленей, в середняцких — с 575 до 160, у зажиточных — с 2300 до 440.²¹ На практике это означало ликвидацию «как класса» не только кулака, но и середняка, ибо бедняцкими в районе считались хозяйства, имевшие до 300 оленей.

Разрушенным оказался и сам жизненный уклад оленеводов. С ликвидацией многооленных хозяйств была ликвидирована и материальная основа существования кочевых стойбищ. Часть хозяйств, лишившись оленей, оседала в береговых поселках, другие вынуждены были образовывать новые стойбищные коллективы. Рвались родственные и семейные связи, менялась вся система взаимоотношений в обществе, рушились устои традиционного миропонимания. Проведенные в 1933—1934 гг. меры по устранению перегибов в большинстве своем уже не могли ничего кардинально изменить. С оленеводами рассчитались за купленных оленей, а большинство колхозов перевели на устав ППО.

С осени 1934 г. в округе начинается новая кампания по вовлечению в колхозы кочевников. На этот раз она оказалась более успешной, и решающую роль здесь, безусловно, сыграли новые социальные отношения среди оленеводов. В основе вновь возникших стойбищных коллективов лежала теперь не материальная зависимость, а трудовое сотрудничество.

Элементы неравенства и даже определенные виды эксплуатации имели место, как показывал В. М. Крылов, и в таком стойбище,²² но сущность стойбищной жизни определяли уже не они, а коллективный труд, уравнительный принцип распределения полученной продукции. Как только из жизни стойбища исчез «хозяин», владелец крупного стада с присущей ему системой взаимоотношений, исчезла и последняя серьезная преграда на пути коллективизации кочевников. К концу 1935 г. в округе имелось 26 оленеводческих коллективных хозяйств, в том числе 3 артели и 23 товарищества. Всего же колхозная сеть состояла из 59 хозяйств.²³

К цифрам этим, безусловно, надо относиться достаточно критически. Далеко не все товарищества, значившиеся в официальной отчетности как оленеводческие, были таковыми на самом деле. В Пенжинском районе, например, к оленеводческим были отнесены Микинское, Орночикское и даже Каменское товарищества, хотя это были типичные береговые артели, в состав которых входило по несколько семей оленеводов. «Лукавая цифра», скорее всего, понадобилась для демонстрации успехов колхозного строительства среди кочевников. На самом деле успехи эти у пенжинских коряков были более чем скромными. Накануне коллективизации в Пенжинском районе имелось в 2 с лишним раза больше кочевых хозяйств, чем в Тигильском, а создано здесь было оленеводческих товариществ в 3 раза меньше. Собственно говоря, непосредственно у пенжинских коряков имелось всего одно оленеводческое товарищество, созданное на базе кочевых стойбищ, — Ассошеемское. В конце 30-х гг. появится еще одно — в районе Подкагерной. И это все. Невольно напрашивается вывод: провести коллективизацию оленеводческого хозяйства пенжинских коряков стало возможным лишь после того, как перестало существовать само это хозяйство в его традиционных формах. Значительная часть оленей к тому времени находилась в совхозах, другая, не менее значительная, была уничтожена в годы массовой коллективизации. В колхозы вступали по сути дела уже

юколу». По его подсчетам на «гостевание» из улова 1935 г. ушло более 70 тыс. штук лососей, или около 20%.²⁶

Как видим, Апукский колхоз на шестом году своего существования весьма отдаленно напоминал социалистическое предприятие. И таких было большинство. Относительно быстро товарное производство, новые формы хозяйствования приживались лишь в тех немногих колхозах, которые оказывались в непосредственной близости от государственных предприятий рыбной промышленности. К началу 40-х гг. у коряков имелось всего 5—6 таких хозяйств, в том числе «Новая жизнь» и «Ударник» в Карагинском районе, им. Ленина и им. Горького в Олюторском. На Западном побережье товарным рыболовством корякские колхозы до Великой Отечественной войны почти не занимались. В Тигильском районе, например, в 1940 г. на их долю пришлось около 1% проданной государству рыбы — менее 1 тыс. ц.²⁷

К середине 30-х гг., когда в Корякском национальном округе были заложены основы колхозного строя, коллективные хозяйства коряков по уставным формам делились на два основных вида — артели и простейшие производственные объединения (товарищества). По хозяйственному направлению они подразделялись на оленеводческие, рыболовецкие и смешанные. Последние были представлены 13 типами: оленеводческо-охотничьи; оленеводческо-охотничье-рыболовецкие; рыболовецко-охотничьи; рыболовецко-олениводческо-охотничьи; сельскохозяйственно-рыболовецко-охотничьи и т. п.²⁸

Видовых артелей и товариществ, т. е. таких, где деятельность сосредотачивалась только в одной отрасли хозяйства, было немного: 19 чисто оленеводческих, в том числе 9 в Тигильском районе, 7 в Карагинском и 3 в Пенжинском, и рыболовецкое товарищество в Парени. Следует, однако, иметь в виду, что любое деление по хозяйственным типам было весьма условным. До тех пор, пока в колхозах не получило достаточного развития товарное производство, важнейшим хозяйственным направлением большинства из них оставалось рыболовство. Достаточно сказать, что у 83% кочевых хозяйств Олюторского района главной отраслью было рыболовство, а не оленеводство.²⁹

Непосредственное руководство колхозами до 1936 г. осуществляли районные интегралсоюзы. Все артели и товарищества были их коллективными членами. Интегральные кооперативы выступали посредниками между колхозами и государством, вели их организационно-хозяйственное укрепление, оказывали финансовую и материальную помощь, способствовали развитию товарного производства.

В 1936 г. интегральная кооперация в стране была ликвидирована. Формальным поводом для такого решения служили успехи колхозного строительства. Действительно, по мере укрепления колхозов интегральная кооперация постепенно лишалась важнейших своих функций — производственных. Совершенствование орудий труда, техническая реконструкция, проведение хозяйственных кампаний — все это становилось теперь составной частью колхозного производства. За интегралсоюзами оставались лишь торговля и заготовки. Произошло «разинтегрирование» кооперативов, они перестали отличаться от потребительских. Кроме того, к середине 30-х гг. повсеместно сформировались местные хозяйственные органы — районные и окружные

земельно-промысловые отделы. К ним стало переходить оперативное руководство колхозами. В таких условиях сложившаяся система управления северным хозяйством, безусловно, нуждалась в изменениях, но полная ее ликвидация оказалась, на наш взгляд, преждевременной.

Во-первых, явно преувеличенной была оценка успехов колхозного строительства. Выше мы уже видели, что представляли из себя к середине 30-х гг. коллективные хозяйства коряков. Во-вторых, местные Советы и их земельно-промысловые органы оказались далеко не равнозначными по своим возможностям и авторитету союзным организациям интегральной кооперации. И, наконец, главное. Северное хозяйство, оставшееся, как и прежде, комплексным, в результате необдуманной реорганизации оказалось поделенным между различными ведомствами. Охотничий промысел отошел к «Союзпушнине», рыбная отрасль вначале была передана Акционерному Камчатскому Обществу (АКО), а спустя несколько месяцев — Всесоюзному союзу рыбацких колхозно-кооперативных организаций (Рыбколхозцентр), оленеводство и сельскохозяйственное производство оказались в подчинении Наркомзема и местных земельных отделов.³⁰ Позднее все это приведет к серьезным диспропорциям в развитии традиционного хозяйства народов Севера.

Важную позитивную роль в организационно-хозяйственном укреплении колхозов сыграла государственная рыбная промышленность. Ее предприятия активно способствовали развитию колхозного рыбного промысла; снабжали колхозы катерами, кунгасами, различными орудиями лова, в неограниченном количестве принимали выловленную рыбу. Отдельные колхозники-коряки стали постепенно осваивать здесь профессии мотористов, засольщиков, мастеров лова. Примеру береговых коряков вскоре последовало и кочевое население. Некоторые хозяйства спускались летом к устьям рек, на морское побережье, чтобы принять участие в государственном промысле.

Промышленное рыболовство повышало материальное благосостояние колхозников, способствовало формированию коллективной собственности, и не случайно переход к артельной форме коллективизации произошел раньше всего в товариществах, занятых промышленным рыболовством. Уже в довоенные годы на устав рыболовецкой артели перешли в Пенжинском районе товарищества им. Сталина (Микино), в Олюторском — им. Ленина, в Карагинском — «Новая жизнь» и др. Всего в 1940 г. на артельном уставе в Корякском национальном округе работало 24 хозяйства, в том числе 21 рыболовецкое. Отдельные хозяйства имели неделимые фонды в 200—300 тыс. руб.³¹

Медленнее шел этот процесс в оленеводческих товариществах. Для них предвоенные годы характерны главным образом укрупнением, причем происходило оно по инициативе самих колхозников. Так, например, Тигильский райисполком в ноябре 1939 г. вынужден был констатировать, что произошло фактическое слияние трех оленеводческих товариществ: «Каюю», им. 18 партийного съезда и им. Кирова. Все они собрались в Седанке кочевой и образовали единое правление. В том же году и примерно таким же способом произошло объединение товариществ «Оленевод» и им. Жданова; кочевые коряки товарищества «За новую жизнь» объединились с паланским оседлым колхозом «Пролетарий». В итоге к январю 1941 г. в Тигильском районе вместо 9 оказалось 5 оленеводческих товариществ.

«Пролетарий», им. Молотова, «Восход», им. Кирова и им. Жданова.³² Укрупнение хозяйств имело место и в других районах округа.

Важнейшим условием перехода товариществ на устав артели было наличие у них коллективной собственности. Имелось три основных источника ее формирования: обобществление средств производства, государственные ссуды и кооперативные накопления. После неудачного опыта в начале 30-х гг. обобществление оленей производилось крайне осторожно (к началу войны в колхозах имелось лишь 10 984 оленя, или 8.7%³³) и было завершено в основном лишь в 1945 г. К этому времени в колхозах состояло 2285 хозяйств, или более 94%. Средства производства были обобществлены на 72.2%.³⁴ Однако товарищества продолжали существовать и в послевоенное время. В 1945 г. их было два: «Ударник» в Подкагерном и «Оленевод» в Тылхое. В декабре того же года Пенжинский райисполком вынес решение об объединении «Оленевода» с рыболовецким колхозом им. Водопьянова. К моменту объединения товарищество все еще носило натурально-потребительский характер. В нем состояло 41 хозяйство — 144 человека. Большая часть трудоспособных была занята в оленеводстве, кочевой образ жизни вели и члены семей пастухов. Кроме оленеводства, занимались также рыболовством и подсобными промыслами.³⁵ Последнее корякское товарищество «Ударник» прекратило существование в конце 1950 г. Оно вошло в состав рыболовецкого колхоза «Вперед к коммунизму» (с. Рекинники). На этом коллективизация у коряков была завершена.

Что представляли собой корякские колхозы к началу 50-х гг.? Из 46 колхозов, имевшихся в округе на 1 июня 1950 г., коряки преобладали в 24. Четыре из них находились на уставе сельскохозяйственной артели, остальные — на уставе рыболовецкой.³⁶ Независимо от уставной формы все они были комплексными хозяйствами. Устав определял лишь направление ведущей отрасли. В сельскохозяйственных артелях такой было оленеводство, но оленей имели также и рыболовецкие колхозы. К этому времени у многих колхозов появились новые отрасли хозяйства: огородничество, молочное животноводство, подсобные промыслы (об этом подробно говорилось в предыдущей главе).

Дальнейшее развитие получили социалистические производственные отношения. Во всех хозяйствах стала господствующей общественная собственность. Основные средства производства в колхозах Корякского округа составляли в 1947 г. более 19 млн. руб., неделимые фонды — более 11 млн.³⁷ Главным звеном колхозного производства являлась бригада, все хозяйства имели финансовые планы, в некоторых появились бухгалтерии, но преобладал все же первичный учет. Были преодолены в основном уравнилельные принципы распределения продукции.

Более устойчивую экономику к началу 50-х гг. имели сельскохозяйственные колхозы. У них были выше среднегодовой валовой доход, стоимость трудодня, заработная плата, но в целом все колхозы были экономически слабыми. Судьба северной деревни ничем не отличалась от судьбы колхозной деревни вообще.

У рыболовецких колхозов округа была своя «первая заповедь» — выполнение государственных планов добычи рыбы, которые, как правило, не соответствовали возможностям колхозов. Задания систематически не выполнялись, и, чтобы рассчитаться с государством, колхозы вынуждены были

продавать улов, предназначенный для колхозников. В Тигильском районе, например, доля рыбы, оставляемой в колхозах на эти цели, сократилась в 1945—1949 гг. с 27 до 5.8%. И, видимо, не случайно население таких сел, как Кинкиль, Лесная, Воямполка, Кахтана, сократилось в эти же годы на 20%.³⁸

Во многих рыболовецких колхозах годовой доход семьи из двух трудоспособных составлял не более 2.5 тыс. руб., включая и натуральную оплату. На трудодень выдавалось обычно одна-две «кислых» рыбины для собак и 500—800 г пищевой соленой рыбы, в удачный промысловый год — до 2 кг. В колхозах, где занимались огородничеством, в натуральную оплату могло входить немного овощей или картофеля. Выдавать на трудодни оленье мясо рисковал не всякий председатель, поскольку за это серьезно наказывали, да и стада в рыбартелях были невелики. Побочные заработки (пушной промысел, индивидуальная рыбалка, извоз и др.), как правило, превосходили колхозные. В целом же совокупный доход колхозной семьи из 4—5 человек составлял в месяц 400—420 руб. по денежному курсу 1947 г.³⁹

Легче жилось в материальном отношении колхозникам в оленеводческих колхозах. Они зарабатывали больше трудодней,⁴⁰ а следовательно, и получали больше натуральной продукции, в том числе мясо. Подспорьем служили личные олени, они имелись примерно у 66% хозяйств колхозников. Оленеводческие артели формально не имели государственного плана добычи рыбы, и, хотя на практике им тоже давали обязательные задания, выполнение их не требовало такого напряжения, как в рыбоколхозах. Можно было заготовить больше рыбы для себя. Наконец, члены семей оленеводов большую часть года проводили в табунах, а следовательно, и питались вместе с пастухами из колхозного стада.

В 1950 г. на один сельскохозяйственный колхоз в округе приходилось в среднем 85 трудоспособных, на рыболовецкий еще меньше. Имелись артели в 25—30 трудоспособных. Вести таким числом людей комплексное хозяйство без должной материально-технической базы было невозможно. Социальная реконструкция промыслово-олениводческого хозяйства коряков явно опережала техническую. К началу 50-х гг. колхозы все еще не вышли из стадии «мануфактурного развития», преобладал ручной труд. Экономические трудности, связанные с низкой производительностью, усугублялись командно-бюрократической системой управления колхозами. Особенно страдали рыболовецкие артели, которые оказались в двойном подчинении — у рыбколхозсоюзов и земельных отделов местных исполкомов. Каждый из них «болел» за свой участок, а в итоге и рыболовство, и другие отрасли явно отстали в своем развитии.

Улучшению руководства колхозами, устранению дублирования, перекосов в планировании способствовали меры, проведенные в округе в начале 50-х гг. Вместо земельных были созданы отделы рыбной промышленности, которые стали заниматься всеми отраслями хозяйства. Одновременно ликвидировали межрайонные рыбколхозсоюзы. Была предпринята попытка укрепить экономику наиболее слабых рыболовецких артелей за счет их слияния с рентабельными оленеводческими хозяйствами. В результате к 1 января 1953 г. в Тигильском районе осталось 5 корякских колхозов: рыболовецкий и 4 оленеводческих. В них работало около 1200 коряков, или 88% всех колхозников района. В Пенжинском районе число колхозов

у коряков сократилось до трех, у карагинцев и олюторцев на этом этапе существенных изменений в колхозной сети не произошло. Из 20 рыболовецких колхозов, имевшихся на Восточном побережье к январю 1953 г., коряки преобладали в 10.

Реорганизация колхозной сети сыграла некоторую положительную роль, однако она не могла решить насущных вопросов развития колхозов народов Севера. Для этого требовались совсем другие меры. Они стали осуществляться лишь в условиях демократических преобразований, развернувшихся в стране после XX съезда партии. В марте 1957 г. ЦК КПСС и Совет Министров СССР приняли постановление «О мерах по дальнейшему развитию экономики и культуры народностей Севера». В постановлении отмечались серьезные недостатки в руководстве колхозным строительством в северных районах, запущенное состояние и низкая товарность основных отраслей хозяйства.⁴¹

Реализация положений постановления потребовала изменения существующей хозяйственной структуры. На повестку дня встал вопрос о новом укрупнении колхозов. Оно началось в 1957 г. и носило массовый характер. К 1965 г. у коряков не было ни одного колхоза, которого не коснулось бы укрупнение. В Карагинском и Олюторском районах в результате этой кампании осталось по три колхоза, в Тигильском и Пенжинском — по два. В Тигильском районе произошло не просто укрупнение. Существовавшие здесь оленеводческие артели вначале объединились с сельскохозяйственными колхозами ительменов, а затем, в процессе повторного укрупнения, перешли на устав рыболовецкой артели.

К середине 60-х гг. у коряков сформировались крупные многоотраслевые колхозы, в основе хозяйственной специализации которых лежало рыболовство. Бурный рост государственной рыбной промышленности Камчатки способствовал успешному развитию колхозного рыбного промысла. В сравнении с другими отраслями он давал несравненно большие возможности для укрепления экономики колхозов, развития их материально-технической базы, роста благосостояния колхозников. В качестве подсобных отраслей все колхозы развивали оленеводство, молочное животноводство, некоторые овощеводство, о чем также говорилось в предыдущей главе.

В результате объединения появилась возможность приступить к внутрихозяйственной специализации. Каждый колхоз состоял теперь из нескольких отделений, которые имели свой хозяйственный уклон. В колхозе «Тумгутум» Карагинского района все поголовье оленей сосредоточили в тымлатском отделении (бывш. колхоз «Турвинэ»), два других — Анапкинское и Кичигинское — специализировались на добыче рыбы. В колхозе «Путь Ильича» Тигильского района оленеводством занимались в Воямполке (бывшая оленеводческая артель «Восход»), рыболовством — в Лесной и Палане. Следует сказать, что в ряде случаев укрупнение явно вышло за разумные пределы. Так, например, весьма трудноуправляемым оказался колхоз «Красный Октябрь», вобравший в себя все ительменские и корякские артели южной половины Тигильского района. Почти на 350 км протянулись с севера на юг владения другого укрупненного колхоза — им. XII съезда КПСС в Пенжинском районе.

Структурные изменения в промыслово-олениководческом хозяйстве коряков продолжались во второй половине 60-х и в 70-е гг. Они шли в основном

по пути расширения и углубления специализации. В 1968 г. на базе Тигильского, Седанкинского и Белоголовского отделений колхоза «Красный Октябрь» был создан оленеводческий совхоз «Тигильский». В 1979 г. оленеводческие отделения колхозов «Тумгутум» и «Вперед к коммунизму» выделились в самостоятельный совхоз «Карагинский».

Рыболовецкие артели «Путь Ильича» и им. XXII съезда КПСС, потерявшие в связи с изменением промысловой обстановки перспективы развития, были преобразованы в оленеводческие совхозы «Паланский» и «Манильский», объединились колхозы им. Ленина и им. Горького.

К началу 80-х гг. процесс создания новой хозяйственной структуры в Корякском автономном округе был в основном завершен. К этому времени здесь имелось 5 рыболовецких колхозов, 11 совхозов, в том числе 10 оленеводческих, и 5 госпромхозов. Кроме них, в округе работали 6 рыбозаводов, предприятия транспорта и связи, пищевой, местной и топливной промышленности, строительные организации.

Неоднократные укрупнения коллективных хозяйств, всевозможные реорганизации, которым подвергались они в разные годы, вызывают сегодня серьезную критику, и не без оснований. Много в этом деле действительно шло от бюрократических фантазий, административного произвола, определялось экономическими и идеологическими кампаниями, которые с завидным постоянством сменяли друг друга на протяжении многих лет. Стремление моделировать колхозное производство по типу промышленного, желание поднять уровень обобществления собственности, вообще избавиться от такой ее «неполноценной» формы, как колхозно-кооперативная, попытки привести социальную структуру общества в соответствие с тогдашними представлениями о совсем близком коммунизме — все это, конечно же, способствовало насилию над колхозами, прикрывало его яркими теоретическими одеждами.

Было бы, однако, неверным рассматривать эти процессы только через такую призму. В основе их лежали и объективные причины. Укрупнения корякских колхозов во второй половине 50-х гг. требовала сама логика дальнейшего углубления общественного разделения труда, а специализация любого производства, как известно, немыслима без его концентрации. Без укрупнения колхозов нельзя было решить сложную проблему оседания кочевников. Обеспечить занятость вторых членов семей оленеводов могли лишь крупные многоотраслевые хозяйства.

Была, наконец, и еще одна, может быть самая главная, причина. К середине 50-х гг. сильно сократились запасы лососей, основного объекта колхозного рыболовства. Колхозы не могли уже наращивать объемы производства, а без этого нельзя было решать многие социальные проблемы, повышать материальное благосостояние колхозников. Начинался переход к добыче другой рыбы — олюторской сельди, но этот переход требовал существенной перестройки. Ловить лососей мог любой, даже самый крохотный колхоз. Сельдь же без серьезного технического оснащения не возьмешь, но купить технику, грамотно ее эксплуатировать, вести экспедиционный промысел мелким колхозам было не под силу.

Вот почему укрупнение корякских колхозов во второй половине 50-х гг. было во многом вынужденным. В результате колхозы получили второе дыхание. Всего за несколько лет в корне изменилось колхозное производство.

К 1964 г. рыболовецкие артели купили более 80 промысловых судов, обзавелись собственными рыбообрабатывающими базами. Во много раз выросла добыча рыбы. Неделимые фонды увеличились в 1956—1964 гг. с 2783 тыс. руб. до 3047 тыс., денежные доходы — с 2394 тыс. до 31 969 тыс. руб.⁴²

Рост доходности позволил уделить больше внимания технической реконструкции оленеводства. Увеличились производство оленины и продажа ее государству, были подготовлены условия для завершения специализации в этой отрасли. Колхозы стали вести производственное и социально-культурное строительство. Расходы на эти цели только в 1957—1960 гг. увеличились с 1.6 до 5.8 млн. руб. Крупные средства перечислялись в фонды подготовки кадров, культурно-массовых мероприятий, материальной помощи, премиальный и др. На оплату труда рыбаков стало расходоваться до 20% стоимости проданной государству рыбы. Среднегодовой доход рыбака вырос в 1959—1964 гг. с 609 руб. до 3490 руб.⁴³

К сожалению, создание новой хозяйственной структуры, специализация и концентрация промыслово-оленинческого хозяйства коряков сопровождались крупными ошибками. К концу 50-х гг. предостережение X съезда РКП(б) о недопустимости пересаживания на национальные окраины экономических мероприятий, годных для более высокой ступени хозяйственного развития, применительно к народам Севера еще не потеряло своей актуальности. Переход от экстенсивных форм развития к интенсивным, к новым технологическим процессам, изменение характера и содержания труда требовали здесь постепенности, но именно это и не было учтено.

К этому времени на Камчатке сложилась ситуация, во многом напоминавшая ту, что предшествовала массовой коллективизации в центральных районах страны. Тогда колхозы понадобились для срочного решения проблемы товарного зерна, теперь они были нужны, чтобы решить проблемы товарной рыбы. Камчатке, быстро превращавшейся в «рыбный цех страны», для выполнения директивных заданий катастрофически не хватало добывающих мощностей. Создавать их за счет государства было долго и дорого, проще, казалось, использовать для этой цели колхозы. При этом никто не думал, что речь идет о хозяйствах, с которыми связаны судьбы целых народов. Мероприятия, проводимые в этот период на Севере, не учитывали особенностей трудовых ресурсов этих районов, этнокультурных характеристик населения, его национально-специфических интересов, а со второй половины 60-х гг. вообще перестали отвечать задачам национального развития народов Севера.

До середины 50-х гг. корякские колхозы были общесоветской, социалистической формой организации традиционного хозяйства. Коряки занимались привычным трудом, постепенно осваивали новые его формы, новые хозяйственные занятия. В результате укрупнения характер колхозной экономики стал быстро меняться. Определяющим занятием в колхозах стало активное морское рыболовство, которое не могло не войти в противоречие со сложившимся в рамках национальной культуры опытом трудовой деятельности. Для нового труда нужны были и новые люди. И они появились. В 1959—1965 гг. число трудоспособных в колхозах округа выросло за счет приезжих более чем в 2 раза. Это сразу осложнило проблему занятости местного населения. По уровню квалификации, социально-профессиональной

Третий слой — рабочие, занятые на ручных работах. Грузчики, дворники, сторожа, кочегары-истопники — таким и подобным ему трудом занято в совхозах до 30% рабочих-коряков. Многие из них, как уже говорилось, имеют специальности, среднее и даже более высокое образование. Нереализованные профессиональные ожидания создают у таких рабочих напряженность в эмоционально-психологической сфере, ведут к экономическим и моральным потерям. Именно среди этой категории лиц чаще всего приходится сталкиваться с отчуждением от общества, пьянством, повышенной смертностью.

В последние годы у народов Севера быстро растет число занятых в непроизводственной сфере. Так, в народном образовании в 1988 г. у коряков работало 15.3% рабочих и служащих, в здравоохранении и социальном обеспечении — 8.9%, в торговле, общественном питании, материально-техническом снабжении и заготовках — 5.8%, в культуре и искусстве — 3.9% и т. п. Если учесть, что в этой же сфере занято много рабочих совхозов (жилищно-коммунальное хозяйство, дошкольные учреждения и пр.), то общая численность рабочих и служащих в непроизводственной сфере составит никак не меньше 40—45% всех занятых в государственном секторе, причем и в этих отраслях значительное число коренного населения занято на подсобных низкооплачиваемых работах.

Исключительно слабо представлены коряки в органах государственного и хозяйственного управления. Среди них нет ни одного председателя райисполкома, ни одного директора совхоза, председателя колхоза, ни одного главного специалиста в совхозах. В Корякском окрисполкоме в 1987 г., например, из числа коряков вообще не было ни одного руководящего работника.

Совершенствование профессионально-квалифицированной структуры коряков — важнейшая задача их социального развития. Она может быть успешно решена лишь в контексте тех крупных политических и социально-экономических перемен, которые осуществляются в стране сегодня.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	3
История изучения коряков (5). Численность и расселение коряков (8). Географические условия (11).	
Этногенез и этнические связи коряков	12
Этногенез (12). Корякско-эскимосские связи (17). Корякско-чукотские связи (18). Корякско-юкагирские связи (19). Корякско-ительменские связи (20). Корякско-русские связи (22).	
Материальная культура	25
Поселения (25). Жилище (29). Утварь (35). Пища (38). Одежда (43). Средства передвижения (51).	
Хозяйство	56
Рыболовство (56). Морской зверобойный промысел (62). Охотничий промысел (65). Оленеводство (72). Сельское хозяйство (87). Домашние занятия, ремесла и промыслы (93).	
Социально-экономическое развитие	97
Духовная культура	113
Мировоззрение (113). Народные знания (118). Праздники и обряды (123). Хореографическое искусство (135). Музыкальная культура (144). Фольклор (147). Народное декоративное искусство (153).	
Культурное строительство в советский период	182
Народное просвещение (182). Создание письменности (190). Культурно-просветительская работа (194). Художественная литература (199).	
Национально-государственное строительство	205
Примечания	219
Список сокращений	235